

ГРИГОРИЙ ГЛУШНЁВ

Родился в 1986 году. Живёт в г. Омске.

Член Союза писателей России.

Лауреат Сибирского фестиваля искусств
«Тарская крепость» (Тара, 2020).

В литературно-краеведческом альманахе
«ТарЯне» публикуется впервые.

ПРЕДЗИМЬЕ

Солнце выжжено, небо хмурится,
Видя много раскрытых зонтов.
В ритме города скачет улица,
И не слышно ничьих голосов.
Небо низкое ветром точится,
Осыпается пыль облаков.
Вечер тянется, лужи корчатся
В беспорядочном ритме шагов.
Провода позабыты птицами,
Фонари вместо солнца горят.
Всё молчанье с пустыми лицами,
И прямой встречается взгляд.
Звук тревоги певуч раскатисто,
Даже город слегка приглушён.
И от песни такой не спрятаться,
На глаза опустив капюшон.
Я, наверно, как все, простуженный,
Я не вижу подолгу друзей,
Слух прошёлся по мне незаслуженный:
Будто я избегаю людей.

Сухой туман, поднявшийся над лесом,
Уходит в Млечный Путь. Мороз такой,
Что даже звонкий воздух может треснуть,
Всё оглушив внезапной тишиной.
Метель в снегах уснула до рассвета,
Заброшена пушистая метла.
И всё сквозит, сквозит с еловых веток
Как будто пылью битого стекла.
И ветер жжёт, как друга злая шутка,
И светит мрак потухших фонарей,
И на душе обветренной так жутко,
Как будто нет и не было людей.

(Из цикла «Майские письма»)

От сугробов земля не просохла,
Всё в тумане, как после сна.
Солнце где-то на небе высоко.
Не весенняя тишина...
Я всегда ненавидел молчанье,
Я намёков терпеть не мог.
Друг без друга мы так одичали...
Не пиши мне коротких строк.
Здесь и так полувзгляды, загадки,
Разговоры без лишних слов.
Словно чистые клетки в тетрадке,
Затемнённые окна домов.

Грустили уютные хаты,
Окошками тускло глядя.
Берёза у нашей ограды
Стояла, листвою шелестя.
Над нею летали стрекозы...
А ты в предзакатных лучах
Смотрела на эту берёзу,
Как будто молитву шепча.
Вы с ней понимали друг друга.
А мне надоел огород,
И вся деревенская скука,
И топкая слякоть болот.
Давно уже нет огорода,
Рассохся трухлявый пенёк,
И грома протяжного грохот
Над хатами полон тревог.
Но знай, что летают стрекозы
Над зеленью белых ветвей.
...Такая же точно берёза
Теперь над могилой твоей.

*Грустная история о неудачном поэтическом
опыте начинающей поэтессы.*

И о превратностях осени

Как писать, чтоб понятно и кратко?
«Наступили в душе холода» –
Это я над раскрытой тетрадкой
Рифму к слову ищущу «никогда».

Тихо светит настольная лампа,
Мерно щёлкаю карандашом.
Не уйти от банального штампа
Типа: «Мне без тебя хорошо».
Я хотела закончить сурово:
Рифма, точка – и всё решено,
Но в строку не вставляется слово
И темней ледяное окно.
За окном никого, только холод.
И на вьюги порывистый свист
Отзывается в памяти шёпот...
Я срываюсь и комкаю лист.

Ветер и дождь, ну а так – всё в порядке.
Город простуженный, город устал.
Греют стихи в пожелтевшей тетрадке,
Те, что про осень мой друг написал.
В мокром тумане железные крыши,
Кажется, лето ещё далеко,
Ветер, качаясь, всё лижет и лижет
Окна шершавым своим языком.
Эта погода на осень похожа,
Дома сижу, отопления нет.
Целыми днями сочится тревожно
В окна какой-то рассеянный свет.
Мысли по кругу летают ночами,
Утром записка: «Люблю, не скучай».
Всё-таки рано тепло отключают,
Если холодным случается май.

1

Зарёй меж луж, как птица – голубь ранний,
«Огнетушитель» спрятав, по дворам
Идёт домой работник наш пожарный,
Что жадно тушит трубы по утрам.
Соседей взгляды снова по затылку...
Судачат бабки местные о нём:
– Опять несёт за пазухой бутылку.
– Всё отмечает что-то день за днём...
– До Дня Победы, вроде бы, далёко,
Прошло Восьмое марта наконец.
– Ушла супруга, дурню одиноко?
– Вдруг натворит чего-нибудь, подлец?
– Чего ж он начал пить на ровном месте?!
– Чего гадать, простой алкаш, поди...
Возможно, в нашем рядовом подъезде
На ближних не озлоблен он один.

За потепленье птицы драли глотки,
Палило солнце давяще на мозг.
А на столе стакан, бутылка водки.
Терзает совесть душу на износ.
У магазина радостные лица,
Что видеть просто больше нету сил.
Звонит прораб и громко матерится,
А взрослый сын давно уж не звонил.
Дядь Ваню знаю с детства, он охотник,
Рыбак, строитель, мастер – высший класс.
Любой сосед сочтёт теперь за подвиг
Его в лицо унижить лишний раз.
Придёт домой, нальёт ещё грамм двести,
А сердце жжёт, внутри его не лёд.
Чего он начал пить на ровном месте?
Дядь Ваня сам, быть может, не поймёт.